

Гу Хуайцин с недоумением смотрел, как Дуань Минчэнь стремительно выбежал из комнаты, словно спасаясь от какого-то чудовища. Это крайне озадачило его. Он потрогал собственное лицо и пробормотал про себя:

— Неужели я настолько страшен? Всего лишь заставил его подчинённого глотнуть ванной воды.

В дурном расположении духа Гу Хуайцин упал на кровать. После целого дня в пути он должен был быть измотан, однако на сердце было тревожно и смутно. С тех пор как он начал называть Дуань Минчэня «старшим братом Дуань», он и вправду стал воспринимать его как старшего. Но вдруг он осознал: не он один так обращается к Дуань Минчэню. Взять хотя бы Ло Циня — тот ведь тоже то и дело величает его «старшим братом Дуань».

Возможно, в сердце Дуань Минчэня именно гвардейцы в парчовых халатах были настоящими братьями. В конце концов, они знакомы много лет, прошли через огонь и воду, и их дружба, вне сомнений, особая. Иначе почему, когда Ло Цинь навлёк на себя его гнев, Дуань Минчэнь раз за разом извинялся, говорил, что накажет его, а на деле лишь покрывал? Сам Гу Хуайцин проучил и унизил Ло Циня, а Дуань Минчэнь извинялся за него словами, но в душе, наверное, осуждал его. Иначе почему он даже говорить с ним не захотел, а просто умчался в свою комнату!

«Фу! Кому нужен этот деревянный болван!» — с досадой подумал Гу Хуайцин, но в груди застрял непонятный ком обиды. Он долго ворочался с боку на бок, прежде чем наконец уснул.

Пока Гу Хуайцин дулся, Дуань Минчэнь по ту сторону стены тоже был полон тяжёлых дум и не мог сомкнуть глаз.

Стоило ему закрыть веки, как перед ним возникал соблазнительный образ Гу Хуайцина после омовения: влажные тёмные волосы, ясные чёрные глаза, алые губы, гладкая грудь, выступающие розовые соски, гибкие икры, белые пальцы ног... А особенно это невинно-наивное выражение лица — просто чёртовски...

Нет... остановись... нельзя больше об этом думать...

Дыхание Дуань Минчэня участилось, тело откликнулось. К счастью, он жил один, иначе, если бы подчинённые заметили его состояние, это стал бы позор на всю жизнь.

Сильнее же всего его смущало то, что Гу Хуайцин явно не имел намерения его соблазнить. Тот видел в нём лишь старшего брата, а он, Дуань Минчэнь, возжелал его тела. Предаваться таким грязным фантазиям о нём было просто низко!

Дуань Минчэнь всячески порицал себя, пытаясь противостоять инстинктам разумом, но «маленький Дуань» не слушался, бодро стоял и никак не хотел успокаиваться. Мужчины порой так жалки — низ не подчиняется верху. Дуань Минчэню ничего не оставалось, как вручную облегчить себя. Полночи он провёл в этих хлопотах и лишь под утро погрузился в сон.

В ту ночь и Дуань Минчэнь, и Гу Хуайцин спали беспокойно, каждый со своими мыслями. Особенно Дуань Минчэнь — он проснулся ещё до рассвета. Раз уж сна не было, он поднялся, вышел во двор и выполнил комплекс упражнений. Пробежавшись в поту, он почувствовал себя гораздо лучше.

Вернувшись после тренировки в комнату, Дуань Минчэнь увидел Ло Циня, стоявшего у двери. Он взглянул на него, ничего не сказал, прошёл мимо и зашёл внутрь.

Ло Цинь, судя по выражению лица Дуань Минчэня, понял, что тот всё ещё сердит на него за вчерашнее. Он помедлил, а затем последовал за ним.

— Старший брат Дуань... — На лице Ло Циня читалось смущение, взгляд бегал. — Вчера... это я был неправ, не сердись.

— Да? — безразлично посмотрел на него Дуань Минчэнь. — Ну-ка, расскажи, в чём именно ты был неправ?

— Не следовало мне сходить в поединке с тем евнухом из Восточной Ограды, да ещё и проиграть, опозорив гвардию в парчовых халатах.

Дуань Минчэня чуть не рассмешили его слова:

— Судя по твоим речам, если бы ты победил, это принесло бы гвардии славу?

Ло Цинь надул щёки и промолчал, но его вид явно говорил, что он согласен.

— Подними голову! — строго сказал Дуань Минчэнь. — Скажи, для чего ты изучал боевые искусства?

Ло Цинь смущённо моргнул, пытаясь вспомнить слова своего наставника:

— Учитель говорил, что долг воина — карать сильных и помогать слабым, поддерживать справедливость, защищать страну и народ.

Дуань Минчэнь кивнул:

— Хорошо, хоть основы не забыл. И какое отношение к «каранию сильных, помощи слабым, поддержанию справедливости и защите страны» имела твоя вчерашняя стычка с Гу Хуайцином?

— Я... — Ло Цинь запнулся.

— Вспыльчивость и заносчивость — главные пороки воина; задиристость, драчливость и наживание врагов на пустом месте — табу для чиновника. Если ты до сих пор не понимаешь, в чём ошибся, то ты меня очень разочаровал!

Ло Цинь выслушал нотацию, и его детское лицо залилось краской. Вчерашний инцидент действительно начался с его грубости, а поражение лишь усугубило ситуацию.

Опустив голову, он пробормотал:

— Старший брат, не сердись. Я понял свою ошибку. Впредь... впредь я не буду его задирать, ладно?

Дуань Минчэнь знал, что Ло Цинь молод и горяч, и то, что он сейчас склонил голову, уже было достижением. Он вздохнул и похлопал его по плечу:

— Главное — осознать. Позже сходи извинись перед ним, и впредь старайся ладить. Впереди ещё долгий путь, а Сянье Сюнфэй — персонаж непростой. Нам нужно действовать сообща, быть едиными, чтобы не дать врагу шанса.

Ло Цинь покорно кивнул. Слова старшего брата нельзя было ослушаться — с этого момента он

просто не станет задевать этого урода из Восточной Ограды. Впрочем, внутреннее неприятие не исчезнет в одночасье.

Дуань Минчэнь видел, что Ло Цинь не слишком-то рад, но этот шаг был необходим. Со временем его можно будет переубедить. Сам Дуань Минчэнь поначалу тоже был предвзят к Гу Хуайцину, но, пообщавшись, разглядел его хорошие стороны. Он верил, что и Ло Цинь постепенно изменит своё мнение.

— Пошли. Он, наверное, уже поднялся. Я сведу тебя с ним.

Дуань Минчэнь взял Ло Циня за руку, чтобы повести извиняться, но тот ухватился другой рукой за край стола:

— погоди, старший брат, мне нужно кое-что доложить.

Дуань Минчэнь нахмурился:

— Что ещё?

Ло Цинь покрутил шеей, огляделся по сторонам и затем понизил голос:

— Старший брат, я заметил кое-что странное...

Дуань Минчэня заинтриговала его таинственность:

— Что такое?

Ло Цинь придвинулся к его уху и прошептал:

— Вчера я не мог уснуть, и в середине ночи услышал, как скрипнула дверь напротив. Я увидел, как Гу Хуайцин вышел из комнаты, прошёл к задней двери и встал под большим деревом софа... справлять нужду...

Дуань Минчэнь не выдержал и шлёпнул Ло Циня по голове:

— Тебе не надоело? Подглядывать за людьми по ночам?

— Ай! — Ло Цинь схватился за голову, скорчив гримасу. — Дай договорить! Признаю, следить за ним было глупо, но тебе не кажется странным? Он же евнух, как он может писать стоя, как мы? Разве евнухи не должны присаживаться, как женщины? Если только...

— Что за чушь ты несёшь? Кто тебе сказал, что евнухи справляют нужду сидя?

Ло Цинь в растерянности переспросил:

— Разве нет? Если у них нет мужского достоинства, как они могут писать стоя? Разве не намочат штаны?

Дуань Минчэнь терпеливо объяснил:

— В нашей династии евнухам отрезают только яйца, а член оставляют. Понял?

— Отрезают только яйца, а член оставляют? А... вот оно что! — Лицо Ло Циня озарилось пониманием, а затем выразило восхищение. — Старший брат, как же ты эрудирован! Даже

такое знаешь! Преклоняюсь!

— Хватит болтать, пошли!

Ло Цинь сдержал слово и в присутствии Дуань Минчэня извинился перед Гу Хуайцином.

Тот принял извинения с невозмутимым лицом, не выразив ни радости, ни желания устроить сцену. Он лишь сказал «не стоит», но в его манерах сквозила холодность.

Дуань Минчэнь и Ло Цинь, разговаривая в комнате, старались говорить тихо, но Гу Хуайцин в соседней комнате всё равно уловил обрывки фраз: «евнух»... «справлять нужду»...

Весь мир презирал евнухов, называя их ни мужчинами ни женщинами — уродами. Гвардейцы в парчовых халатах, возможно, не говорили этого вслух, но в душе, наверное, тоже смотрели на него свысока. Ло Цинь извинился, но врождённое чувство превосходства никуда не делось.

С того дня, как Гу Хуайцин вошёл во дворец, он жил под такими насмешливыми взглядами. Он думал, что за столько лет привык, но, оказывается, это всё ещё могло ранить.

Ло Цинь был неважен — Гу Хуайцин никогда не считал этого незрелого юнца достойным внимания. Его огорчало отношение Дуань Минчэня. Тот, как и вчера, избегал его взгляда, даже говорить с ним не захотел и, забрав Ло Циня, поспешно удалился.

<http://bllate.org/book/16283/1466861>